

Мичева-Пейчева К. О вечных словах грусти и о грустных словах пародии / К. Мичева-Пейчева // Научный диалог. — 2015. — № 3 (39). — С. 111—132.

УДК 811.163.2'42

О вечных словах грусти и о грустных словах пародии

© **Калина Мичева-Пейчева (2015)**, кандидат филологических наук, доцент, кафедра этнолингвистики, Институт Болгарского языка, Болгарская академия наук (София, Болгария), kalina.micheva@gmail.com

© **Kalina Micheva-Peycheva (2015)**, PhD in Philology, associate professor, Department of Ethnolinguistics, Institute for Bulgarian Language, Bulgarian Academy of Sciences (Sofia, Bulgaria), kalina.micheva@gmail.com.

Рассматривается интересный феномен болгарской культуры — феномен некролога, который не исследован в достаточной степени с точки зрения лингвистической и лингвокультурологической. Это культурное явление болгарской этнической территории. Так называемые «уличные некрологи», которые расклеивают в отведенных для этого местах, характерны только для Болгарии и Македонии. Некрологи разделяются на два типа — биографические и семейные. Автор ищет сходство между различными типами текстов, подчеркивая и их различия. Так, в биографических некрологах ставится акцент на достижениях, фактах жизни определенной личности, а в семейных (опубликованных в прессе) и в семейных уличных некрологах подчеркнут эмоциональный аспект утраты для близких почившего человека. Явление рассмотрено с исторической точки зрения, прослежены изменения в текстах некрологов. Дается толкование языку скорби у древних народов, анализируются устойчивые формулировки (клише), которые встречаются и по сей день. Уделяется внимание пародийным некрологам, профанирующим смерть и в то же время трагедизирующим высмеиваемое явление. Они содержат метафору, изображая смерть Зарплаты, Конституции, Достоинства, Фемиды и т. д. Автор разделяет их на несколько групп, проводя анализ особенностей каждой из них.

Ключевые слова: некролог; болгарская культура; пародийный некролог.

1. Вводные замечания

Тема смерти широко рассматривается в болгарской научной литературе и, в частности, в этнографии и в языкознании [Вакарелски, 1990; Георгиева, 1993; Китанова, 2010; Маринов, 1994; Попов, 1997; Радойнова, 2002 и др.], однако феномен некролога остается все еще недостаточно исследованным с точки зрения лингвистики, лингвокультурологии. В историческом ракурсе уличный некролог впервые становится объектом анализа в работе Димитрины и Николая Кауфман «Погребални и други оплаквания в България» [Кауфман и др., 1988]. Христо Вакарелски лаконично описывает обычай расклеивания некрологов, однако не толкует эту особенность [Вакарелски, 1990]. Другие современные авторы тоже упоминают о некрологе, часто толкуя его слишком фрагментарно или даже исторически некорректно. Вместе с агностицизмом продолжают иметь место множество заблуждений насчет происхождения, истории развития и функционирования жанра некролога.

Среди наиболее значимых книг, посвященных болгарскому некрологу, можно назвать монографии Емилии Карабоевой «Некрологът: Българинът пред лицето на смъртта (Некролог: болгарин перед лицом смерти)» [Карабоева, 2010] и Румяны Радковой «Посмъртни материали за български възрожденски дейци (Посмертные материалы о болгарских деятелях эпохи Возрождения)» [Радкова, 2003]. Р. Радкова изучает некролог эпохи болгарского Возрождения, при этом автор представил исключительно ценный и богатый эмпирический материал.

В своем исследовании Е. Карабоева рассматривает некролог как культурное явление в контексте болгарской и зарубежной действительности. Она анализирует некролог в синхронии и диахронии, в том числе и языковые особенности, однако не исследует обстоятельно лексику в аспекте ее трансформации за последние 150 лет. К тому же Е. Карабоева утверждает, что некролог эпохи Возрождения весьма значительно отличается от современного тем, что в первом преобладает биографическая информация, а содержание второго

имеет прежде всего эмоциональный характер. Частично соглашаясь с этим тезисом, мы в настоящей публикации покажем, что, кроме очевидных отличий, между двумя видами некрологов есть и множество сходств — в структуре, языковых компонентах, метафорах, художественных формах и т. д.

Наш тезис подтверждается мнением Стефана Смядовски: «Няма филологически проучвания върху един от феномените на този регион — некролозите-афиши и некролозите в периодичната книжнина (но има един двутомник от поменални слова през Възраждането, съст. Румяна Радкова), например върху лексиката и фразеологията. Впечатляващо е, че фолклорните погребални обреди са много добре изследвани както на българска почва, така и на широка славянска основа...» [Смядовски, 2013] («Нет филологических исследований одного из феноменов этого региона — некрологов-афиш и некрологов в периодических изданиях (но есть двухтомник поминальных слов эпохи Возрождения, составитель Румяна Радкова), например лексики и фразеологии. Впечатляет то, что фольклорные похоронные обряды исследованы очень хорошо как на болгарской почве, так и на широкой славянской основе...»). Книга Смядовского «Риторика на скръбта (Риторика скорби)» [Смядовски, 2014] содержит исчерпывающий философско-языковедческий анализ библейских текстов и староболгарских памятников, поэтому мы не беремся подробно рассматривать в своем исследовании этот исторический контекст.

Обзор исследований, посвященных смерти и поминальным торжествам, показывает, что лишь немногие авторы сосредоточились на некрологе. Один из них — Нейджэл Старк, автор биографических некрологов и аналитик современного газетного некролога [Starck, 2006]. В своей книге «Life after death. The art of Obituary (Жизнь после смерти. Искусство некролога)» он приходит к заключению, что сообщения о смерти со стороны семьи в США очень часто по длине и по содержанию напоминают биографические посмертные статьи в газетах. Именно на сходства между двумя видами некрологов —

биографических и семейных — будет сосредоточена часть анализа и в настоящей статье.

В статье «Letters to the death: obituaries and identity, memory and forgetting in Iceland (Слово о смерти: некролог и идентичность, память и забвение в Исландии)» авторский коллектив во главе с Арнаром Арнасоном пытается найти объяснение нарастающей популярности некролога. По мнению авторов, в исландской прессе преобладает модель сообщения о смерти личного характера. Эти сообщения, хотя и написанные представителями разных социальных групп — родственников, коллег, приятельского окружения, — акцентируют внимание в большей степени на эмоциональном аспекте потери, чем на профессиональной оценке опочившего [Árnason et al., 2003]. В современных болгарских газетных и уличных некрологах такая модель тоже является доминирующей. В эпоху болгарского Возрождения, однако, так называемый биографический некролог был выдержан в тоне вполне строгом и дистанцированном, но во многих из некрологов этой эпохи можно обнаружить эмоциональную нагрузку, характерную для семейных сообщений о смерти. Исключение составляют институциональные некрологи — например, от имени министерств, объединений, — в которых, однако, тоже присутствуют некоторые обязательные элементы погребальной ритуальности нового типа.

Е. Карабоева считает, что на Балканах структура и содержание сообщений о смерти в газетах почти идентичны с композицией и содержанием локальных уличных некрологов [Карабоева, 2010, с. 48]. Хотя в Югославии на протяжении рассматриваемого периода существовал феномен уличных некрологов, хорватский ученый-этнолог Дуня Рихтман Аугуштин и сербский ученый-этнолог Иван Чолович изучают исключительно газетные некрологи, сравнивая их с семейными объявлениями о смерти и поминках в Германии, Италии, Франции и других странах. Исследователи приходят к заключению, что существуют большие сходства между некрологами этого типа во всей Европе [Čolović, 2000].

Другой исследователь некролога — ученый-социолог Гари Лонг — в своем труде «Organization and Identity: Obituaries 1856—1972 (Организация и идентичность: некрологи 1856—1972)» прослеживает различные тенденции в написании некрологов, превращающиеся в индикаторы изменчивой американской культуры [Long, 1987]. В Болгарии в переходные периоды, во времена больших политических и социальных перемен модель некролога меняется буквально в течение нескольких лет: так происходит в середине 70-ых годов XIX столетия, когда развернулась борьба за национальное освобождение от Османского владычества; подобный феномен наблюдается после 9 сентября 1944 года. 10 ноября 1989 года также оказывает влияние на содержание некрологов как конструктов и отражений коллективной мысли и памяти.

Английский ученый-социолог Бриджит Фулэр [Fowler, 2005] интересуется сущностью некролога, понимаемого как носитель коллективной памяти. В связи с этим следует упомянуть работу Дж. Агамбена «Homo sacer» [Agamben, 1995], исследование социальной роли предков Мери Дуглас [Дыглас, 2004], а также масштабное произведение Филиппа Ариеса «Человек перед лицом смерти» [Ариес, 2004], в котором уделяется внимание тому, как разворачивается тема смерти в различных документальных источниках, охватывающих обширный временной диапазон — с раннего Средневековья до Нового времени.

В настоящей статье будет прослежено развитие жанра болгарского некролога с эпохи Возрождения к эпохе после освобождения Болгарии, далее — к эпохе социализма и вплоть до нового времени. Дается интерпретация языку скорби древних народов, устойчивым магическим формулировкам, новшествам в некрологах и т. д.

2. Язык скорби: мотивы и формулы

Язык скорби имел свою специфику в древних культурах. В Древнем Египте в гробнице сохраняли тело и изображения усопшего как материальные образы, в которых возвращающееся Ба (воображаемое

существо, представляющие собой душу человека и душу бога) воплотится и обретет новую жизнь, там сохраняется и Имя. Оно, вместе с Ба, утверждается как гарант бессмертия. «Функционирование этого обессмерчивания происходит не только при помощи культа и гробницы, но и при помощи сохранения в памяти поколений. Это средство является куда более надежным для сохранения Имени, но требует, чтобы человека “хвалили” (hsj) за его дела, чтобы у него был “отличный характер”. Тогда его имя будет произноситься (nfr) и обретет бессмертие» [Леков, 2004].

Из текста Омировой «Илиады» выясняется, что одна из самых ужасных вещей, которые могут произойти с античным человеком, это — умереть *akleios*. Надгробные надписи сообщают нечто очень важное для древних греков, называемое *kleos* и означающее хорошее имя, славу. Именно хорошим именем и славными делами следует помнить усопшего, и при помощи коллективной памяти *kleos* он будет предан следующим поколениям.

В «Сатириконе» с иронией рассмотрены многословные распоряжения Трималхиона насчет его собственных похорон. При помощи иронии на самом деле представлена реальная и утвердившаяся практика среди богатых римлян: отдавать подробные инструкции о том, как следует их похоронить, какой должна быть могила, что должно быть на ней написано. В словах Трималхиона можно обнаружить два основных акцента — Имя и слава: «В середине часы, так чтобы каждый, кто пожелает узнать, который час, волей неволей прочел бы мое имя. Что касается надписи, то вот прослушай внимательно и скажи, достаточно ли она хороша по твоему мнению: “Здесь покоится Г. Помпей Трималхион Меценатион. Ему заочно был присужден почетный севира. Он мог бы украсить собой любую декурию Рима, но не пожелал. Благочестивый, мудрый, верный”».

Идея сохранения имени в памяти поколений путем восхваления дел, путем подчеркивания добронравия усопшего, лежит и в основе содержательной структуры некролога в независимости от того, о чем

идет речь: о биографическом или семейном посмертном сообщении. Оказывается, называние мертвого добрым, величавым и непогрешимым, не восходит к несуразной идеализации времен социализма и не является типичным болгарским проявлением неискренности, а просто есть обязательное условие для перемещения души из одного мира в другой. Одаривание человека положительными характеристиками не является свидетельством амнезии в отношении его реальных качеств, это есть последнее словесное очищение: посредством использования этих словесных формул названный опочивший переходит без трудностей в вечность.

Первые болгарские некрологи — газетные, а первый сохранившийся некролог эпохи Возрождения опубликован в газете «Цариградски вестник» в 1850 году под заголовком «Воспоминание о чорбаджи Стояне Теодорове Чалыкове» (№ 4)¹. Это обширный биографический некролог, созданный на основе фактов с использованием типичных для всех видов некрологов конструктов, выводящих на передний план доброту и благородство умершего: *Везде показал свойственную для себя доброту; Все оныи имели его за ангеля хранителя; Совершал это покойник только от доброго сердца, только от желания быть полезным человечеству; Ради дел добрых будет покойному на земле вечная память, а на небесах — успокоение от Бога с праведными в царствии небесном.*

Исключительно эмоционально и похоже на семейные сообщения и сообщение о смерти Анны Богориди, опубликованное в «Цариградском вестнике» в 1851 году (№ 7). Отметим сходство его построения со структурой современных некрологов: вначале сообщается имя опочившей, а затем перечисляются ее положительные качества, после чего речь идет о том, кто будет скорбеть о ней (в большинстве современных некрологов список скорбящих находится в конце), и в завершение упоминается место похорон. В некрологе усопшая описана

1 Все некрологи, которым присвоены номера, исследуются нами по материалам приложения к книге Р. Радковой «Посмертные материалы о болгарских деятелях эпохи Возрождения» [Радкова, 2003].

как святая: *Она, насколько это было возможно, благополучно пребывала в этом мире ради ее добра и сердца человеколюбивого.*

Разумеется, есть и некоторые различия. Самое значимое из них состоит в том, что усопшая представлена не как отдельный индивид, а прежде всего как *мать князя Богориди*. В некрологах, написанных о женщинах в эпоху Возрождения, часто покойная описана как чья-нибудь супруга, мать или дочь. Это является прямым следствием нелегкой самореализации женщин за пределами семьи и их постоянного нахождения только в рамках домашнего пространства. Второе существенное различие состоит в том, что сообщения о смерти эпохи Возрождения составляются после похорон, а сегодняшние оповещения о скорбных событиях информируют, когда состоится отпевание. Вероятно, одна из причин промедления в информировании кроется в более медленной коммуникации этих лет, когда о смерти узнавали в течение нескольких дней, а то и много недель спустя.

Подобная матрица, схожая с современными некрологами, обнаруживается в посмертных надписях в Древнем Риме — сначала выписывается имя опочившего, затем — его возраст, профессия, место рождения, кто о нем скорбит и т. д.

*C IULIUS. GRATUS.
VET. CON V. PRAE.
VIXIT . ANN. XXXX
MILL. ANN. XX. DO
MO BERYTO
H. S. EST.
C IULIUS. GRATUS
VET. LEG. III. SCYT.
HERES. FACIEN...*

*(ГАЙ ЮЛИЙ ГРАТ
ВЕТЕРАН ПЯТОЙ
ПРЕТОРИАНСКОЙ КОГОРТЫ.
ЖИЛ СОРОК ЛЕТ.
СЛУЖИЛ В АРМИИ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ.
РОДОМ ИЗ БЕЙРУТА.
ЕСТЬ НАСЛЕДНИК.
Г. ЮЛИЙ ГРАТ
ВЕТЕРАН ЧЕТВЕРТОГО
СКИФСКОГО ЛЕГИОНА...)*

Не обошлось без описания доброты и праведности в сообщении о смерти А. Хаджиоглу в 1857 году: *Он дожил до этого почтенного*

возраста мирно, честно и в любви со всеми. Все дела его показали, что он хорошо постигал высокое и святое значение христианина и патриота... (№ 16). *Благочестивым, нелицемерным и правдолюбивым* назван умерший Найден Христов («Цариградский вестник», 1852, № 8). В некрологе Михалаки Константинова снова доброта и человеколюбие вновь представлены неотъемлемой частью характеристики мертвого: *А вообще доброе его обхождение со своими согражданами подавало образ души святой и благородной* («Цариградский вестник», 1850, № 6).

То же самое подчеркивается в некрологах, которые создавались после освобождения Болгарии. Скорбное сообщение, посвященное смерти Николая Ракитина, содержит идейное послание — *чей жизненный путь был одна лишь доброта человеческая и глубокий гуманизм* (1934, Государственный дигитальный архив). Подобное описание встречается и в другом некрологе, написанном в 1943 году, по поводу смерти царя Бориса. В нем царь представлен как *благодетель и гуманист*. В смерти добродетель оказывается одинаково значимой как для обыкновенных людей, так и для царских особ, так как на самом деле упоминание добродетели — это магическая формулировка для очищения души.

В некрологе, созданном в эпоху социализма, говорится, что доктора Филиппа Манолова запомнят *его светлым умом и благородным сердцем* (Болгарское историческое собрание документов при Национальной библиотеке им. Святых Кирилла и Мефодия). Смена общественно-политических и экономических отношений сыграла свою роль в изменении стиля посмертных сообщений. Меняются парадигмы: христианская уступает место партийной, но многовековые и исконные содержательные компоненты остаются те же.

Это относится в равной степени и к семейным уличным некрологам, появившимся после 1989 года. В них язык уже не «партийный», а смысловая парадигма возвращается к Богу новым «синкретически-модернистским» способом. Однако по-прежнему остается модель

указания на доброту как на путь к бессмертию и гарант сохранения Имени в коллективной памяти. Это можно обнаружить в следующих примерах: *И слезы всегда лить будем о тебе и о твоём добром сердце* (2009 г., архив автора); *Об одном большом и добром сердце, в котором всегда была доброта и любовь ко всем* (2011 г., архив автора).

Вместе с указанием на все хорошее и прекрасное в делах и имени усопшего, для того, чтобы упокоить его душу, используется еще одна магическая формулировка, присутствующая в некрологах с древности по сей день: это мотив не-забвения, вечного возвращения к мертвому в заботах о его могиле и т. п. Уход за «вечным домом» представляется важным, например, в Древнем Риме. Богатые римляне еще до смерти оформляли документом гарантии на то, что после их смерти могилу будут охранять от поругания. В «Сатириконе» находим следующие строки: *Ибо большая ошибка украшать дома при жизни, а о тех домах, где нам дольше жить, не заботиться. А поэтому я прежде всего желаю, чтобы в завещании было помечено: Этот монумент наследованию не подлежит. Впрочем, это уже мое дело предусмотреть в завещании, чтобы я после своей смерти не претерпел обиды. Поставлю кого-нибудь из вольноотпущенников моих стражем у гробницы, чтобы к моему памятнику народ за нуждой не бегал.* В эту концептуальную рамку укладывается и запрет, написанный на римском памятнике, своеобразный диалог с проходящими возле него: *Запрещаю дотрагиваться до моих останков. Публий Вероний Калист — лучший из людей покоится здесь.* Самоназвание будущего мертвого как лучшего — еще одна гарантия предначертанного и легкого перехода, форма обеспечения себе бессмертия.

И в настоящее время запущенная или оскверненная могила символизирует забвение, неуважение, потерю памяти поколений. Поэтому и в современных семейных некрологах мотив постоянного возвращения к вечному дому мертвого устойчив и даже клиширован: *До твоя гроб утъпкана пътека води // и ние често идваме с цветя.*

// Ще постоим, ще си поплачем и ще тръгнем, // отнесли мъката във нашите сърца. (К твоей могиле утоптана тропинка, // И приносим често там цветя. // Постоим, поплачем — и уходим, // А сърца наши грустью так полны.)

Забвение есть ментальная форма поругания, даже более страшная, чем физическое действие. В некрологах вечная память, которую невозможно стереть, является обещанием продолжения Имени, его возрождения в коллективной памяти. В некрологе с 1970 года дана гиперболизированная гарантия: *Ты оставил после себя светлый след, который нельзя стереть ничем.* В других некрологах этого периода находим: *Твой светлый образ всегда перед нами и мы никогда его не забудем* (1978 г.); *Спи спокойно в своем вечном жилище. Время никогда не сотрет в наших сердцах память о твоём добром характере...* (1970 г.). Сходно содержание и грустного воспоминания 2009 г.: *Не можем мы тебя вернуть, и это правда, смерти воспрепятствовать были не в силе, но благородная память о тебе, дорогая нам, жить будет навеки* (архив автора); и примерного текста для некролога: *Вечно будем скорбеть о твоём светлом образе и добром сердце.*

Одно из традиционных окончаний Божественной литургии и молитв за упокой переносится в болгарские некрологи с эпохи Возрождения по сей день: *Вечна памет! (Вечная память).* Эта формула тоже содержит обет о вечной памяти, принятый живыми в отношении покойного. Это словосочетание встречается почти во всех изученных нами некрологах эпохи Возрождения, нередко в составе выражений *Пусть земля будет тебе / ему пухом* и *Да простит тебя Бог: Да простит ему Бог! Вечная ему память! Пусть земля будет ему пухом* (Сообщение о смерти Рафаила Попова, дня 13-ого марта, 1976, № 307).

В сообщении о смерти, написанном Велико Пенчовым в 1859 году, *Вечная тебе память!* повторяется как мантра, как священный акт, как послание из этого мира в мир иной: *И так, пусть все мы скажем до трех раз «Вечная тебе память, блаженный князь Стефан», «Вечная тебе память, блаженный князь Стефан», «Вечная тебе*

память, блаженный князь Стефан» (№ 33). Идея памяти может быть выражена различными языковыми конструкциями, но содержательный компонент остается тем же. Подобная фраза — окончание не только многих семейных некрологов: *Да будет вечна память его* (1948 г., архив автора); *Перед памятью твоей мы склоняем головы* (2010 г., архив автора); *Глубокий поклон перед его светлой памятью* (2005 г., архив автора), но и официальных скорбных сообщений: *Поклон перед памятью именитого творца* (газета «Дума» по поводу смерти Венцеслава Кисёва, 20 мая, 2014 г.), *Поклон перед его светлой памятью* (Министерство культуры по поводу смерти Джокоса Росича, 22.02.2014 г.). Для выдающихся деятелей в области просвещения и искусства часто поклон связан и с подчеркиванием личных заслуг: *Поклон перед памятью и значимым делом гражданина и писателя Антона Страшимирова* (Болгарское историческое собрание документов при Национальной библиотеке им. Святых Кирилла и Мефодия).

Упоминание поклона делает акцент на связи с усопшим. Поклон еще в древности являлся частью ритуальности, а затем был переосмыслен в христианстве как знак почитания к Богу. Поэтому в некоторых посмертных сообщениях встречаем: *Поклон!*, *Глубокий поклон* или *Поклон с горестью и любовью* (2013 г., архив автора).

Существует и особая группа некрологов, сочетающих в себе почти все магические формулировки, которыми заканчиваются посмертные речи. Таков, например, некролог Неды Хаджиниколовой, опубликованный в июле 1905 года. В нем близкие прощаются с покойным словами: *Да простит тебя Бог, да будет земля тебе пухом, вечная тебе память, и покров праху твоему, незабвенная ты наша мать и бабушка* (Болгарское историческое собрание документов при Национальной библиотеке им. Святых Кирилла и Мефодия). Как будто использование всех возможных символических поминальных концовок многократно обеспечит беспроблемный переход их родственницы в мир потусторонний.

Часто поминальный текст болгарских некрологов заканчивается словами *Да простит тебя Бог* или *Да простит Бог*, за исключением, конечно, социалистического периода. Прощение со стороны Бога есть христианский путь к спасению, Раю. Эта своеобразная молитва Богу засвидетельствована еще в староболгарских молитвах. Она является обязательным окончанием некрологов, возвещающих о кончине священнослужителей. В сообщении о попе Дочо, опубликованном в газете «Болгария» в сентябре 1860 года, находим следующее: *Поп Гырди должен брать пример, а попа Доча Бог простит* (№ 44). В тексте 1861 года о поминках по Ивану Денкоглу, опубликованном в газете «Дунавски лебед», Сава Филаретов пишет: *Этой сердечной молитвой заканчиваю я слово свое и повторяю «Да простит Бог и успокоит в царстве небесном»* (№ 48). *Да простит тебя Бог* сохраняется как завершающая рамка и после Освобождения Болгарии, что видно в нескольких некрологах 1937 года, посвященных смерти Антона Страширова: *Да простит тебя Бог, незабвенный наш кум; Да простит тебя Бог, дорогой дядя Тон* (Болгарское историческое собрание документов при Национальной библиотеке им. Святых Кирилла и Мефодия).

Формула *Да простит тебя Бог!* используется и в современной виртуальной коммуникации: по поводу смерти актера-сатирика Димитара Манева один из участников дискуссионного форума пишет: *Да простит тебя Бог, Миташки!*; на другом форуме по поводу смерти профессора Рашко Рашева и остальных жертв железнодорожной катастрофы сказано: *Да простит Бог всех, кто нелепо закончил жизнь в этой трагедии. Да простит тебя Бог, дядя Рашко!* Важно отметить, что обычно местоимения 2 л. ед. ч. и глаголы в соответствующей форме — *Да простит тебя Бог!* *Пусть земля будет тебе пухом, Покойся в мире* — используются при обращении к усопшему, когда пишут о близком, лично знакомом человеке, а 3 л. ед. ч. — *Да простит его / ее Бог!* *Пусть земля будет ему / ей пухом, Да покоится в мире* — предполагает известную дистанцию, например, когда составляется институциональный некролог

В отличие от *Да простит тебя Бог* пожелания *Пусть земля будет тебе пухом / Пусть земля будет ему пухом* происходят из народной культуры, являются отголоском древних обрядов и верований. Надгробные надписи в Древнем Риме содержали эпитафию *Пусть легкой будет земля твоя*. В эпоху Возрождения идея легкой земли выражается другими средствами. В некрологе Райно Поповича, опубликованном в «Болгарских книжицах» (1858 г.), мертвого провожают словами: *Да будет пухом тебе земля, покрывающая мертвые твои останки* (№ 20). В сообщении о смерти Андрея Робовского сказано: *Да будет пухом землишка вам, Фотинов и Робовский, два патриота* («Цариградски вестник», 1859, № 21).

В современных некрологах среди наиболее частотных завершающих предложений встречаются выражения, имеющие значение ‘спи спокойно, покойся в мире’: *Спи спокойно свой вечный сон* (2009 г., архив автора); *Покойся в мире* (2009, архив автора), *Вечный покой и свет душе твоей* (2007 г., архив автора), *Да будет тих и спокоен твой вечный сон* (2008 г., архив автора). Видение смерти как сна и, наоборот, сна как смерти происходит из народной мифологии, древних архетипических представлений.

3. Пародийные некрологи

Доказательством ключевой роли некролога в современной культуре можно считать феномен пародийного некролога. Вероятно, название *пародийный некролог* не вполне верно отражает силу скорби, если речь идет о проигранном деле или об утрате, не связанной со смертью человека, но оно принято как подходящее, потому что такая разновидность некрологов предполагает своеобразную пародию на смерть, ее профанацию, но в то же время трагедизацию событий.

Пародийные некрологи различаются по форме и содержанию, а именно:

— относящиеся к метафорической смерти событий, людей и явлений;

— выражающие «пожелание» смерти кому-нибудь при помощи своего рода черной магии, осуществляемой путем создания некролога по поводу не произошедшей, но желанной смерти;

— содержащие «благую весть», даже исполненные радостью от кончины кого-то или чего-то.

Условно к первому типу можем причислить «скорбную весть» следующего содержания: *С болью в сердце сообщаю вам, что после длительной борьбы с менталитетом умер мой оптимизм. На протяжении долгих лет его губила наша примиренность и безразличие, культура поспы, смешное себялюбие, господство обыденности, общепринятое угодничество и моя наивная вера, что можем это изменить. Чаша уже наполовину пустая. И все же — выпьем! Погребение состоится сегодня в моем сердце и моей душе. Опечаленный.* Структура приведенного текста некролога точно повторяет архитектонику настоящих некрологов, он оформлен согласно той же графической модели и распределен в пространстве аналогическим способом. В нем присутствуют типические для жанра рамочные формулировки: *скорбная весть; с болью в сердце; погребение состоится; опечаленный.* Выбрана нетрадиционная форма репрезентации глубокой душевной драмы, предпринимается попытка путем гиперболы произвести более сильное впечатление на читателя: утрату оптимизма приравнивают к смерти близкого человека, а понесенная потеря оценивается как не уступающая в силе и эмоциональном напряжении реальной потере человека.

Исчезновение ценного душевного качества становится предметом и следующего пародийного некролога, близкого по стилистике уличному: *06.09.2010, Оно от нас ушло! Наше вдохновение! Почтим его память в ателье «Пласталин», на ул. Симеона 48, начало церемонии 18.30.* Можно предположить, что идет речь о закрытии творческого ателье, что воспринимается его создателями как потеря не столько вещественная, сколько душевная. Фокус перемещен: это своеобразный траур по вдохновению, а не по его материальному измерению.

Типические представители первой категории пародийных некрологов, посвященных «смерти» духовных ценностей, общественных явлений и даже институций, являются и некрологи, написанные о Фемиде Болгарской, Конституции Болгарской, Зарплате и т. д.

Пародийный некролог в память Фемиды Болгарской тоже оформлен вполне строго с учетом жанровой специфики. Вместе с заголовком «Скорбная весть», начальной фразой *С глубокой скорбью сообщаем*, датами рождения и смерти (соответственно 681—2011) в некрологе полностью воспроизведены стихи, характерные для этого жанра: *Не се изплаква мъката със сълзи, // когато плачем повече боли. // Все по-безнадеждни стават дните, // че никога не ще се върнеш ти (Не выплакать слезами это горе // Если плакать — горше боль, // Дни все более лишены надежды, // Что когда-нибудь вернешься ты); Добрите хора нивга не умират, // не се превръщат в пепел или дим. // Те винаги оставят светла дияра // и честен път, по който да вървим (Нет, нет смерти добрым людям, // они не переходят в пепел, в дым. // Их след останется столь чистым, // как путь, которым нам идти).*

Стихи не имеют отношения к смерти правосудия, они являются типическим примером лирики, использованной в некрологах. Очевидно, авторы стремились не к передаче смыслов, стоящих за лексемами, а скорее к эмоциональному воздействию, осуществляемому посредством формы выражения. В скорбной вести о Конституции Болгарской снова присутствует обязательная рамка, характерная для уличного некролога. Сообщение эмоционально, что вполне вписывается в стилистику скорби. Подтверждением этого является и единственное предложение, написанное жирным шрифтом: *Ее слова на всегда останутся в наших сердцах.*

Следующий пародийный некролог не только вписывается в модель, но и представляет интерес своими оригинальными смысловыми находками. На месте имени в нем стоит предложение *Кончилась зарплата*. При помощи иронии описано *краткое и почти незамет-*

ное существование <...> нашей недоросшей зарплатки. Причиной ухода зарплаты в небытие названа *болезнь*, отождествленная с битвой с *кровожадными банками, ненасытными магазинами, огромными счетами и мелкими подвохами компаний электроснабжения, водоснабжения, теплоснабжения, телекоммуникаций и других кровососущих тварей*. Традиционная для некрологов завершающая формулировка *Мир праху его / ее* переосмысливается и заменяется находчивым *Мир копеечкам ее*.

В форме пародийного некролога переданы и сообщения о потере дома Николы Мушанова, Радио Альфа, Института розы, улиц города Враца. В первых трех случаях речь идет действительно о разрушении и закрытии чего-либо, а в случае со смертью городских улиц можно обнаружить преувеличение: *С глубокой скорбью сообщаем вам, что в Враце 2014, после длительной агонии, улицы наши скончались. Спасибо вам, улицы, что вы так самоотверженно нам служили до последней своей яме. Преклонение состоится 08.03.2014 с 16 часов*. Гиперболизацию содержит и некролог, посвященный смерти футбольного клуба ЦСКА, так как ЦСКА продолжает существовать и сегодня, а создатели пародии определяют его конец 03.06.2008: *Третьего июня 2008 года был положен конец существованию команды, уничтожившей футбол в Болгарии*.

Скорбная весть о разрушении памятника культуры — дома Николы Мушанова — лишена эмоциональной приподнятости и клишированности жанра и представляет собой своеобразную фактологическую справку о том, когда был построен дом и какой закон нарушен его сношением. Закрытие Института розы осмысливается как огромная потеря для науки и научного мира.

Текст об Альфа-Радио, в отличие от большинства пародийных некрологов, которые представляют собой сообщения о смерти, является поминальным словом и содержит все обязательные компоненты, характерные для поминальных некрологов (другие образцы поминального некролога нам не встречались). Он вписывается в контекст

других, уже исследованных пародийных текстов изучаемого жанра, в которых содержится известная положительная нотка, какая-то надежда, «не-гибельность». Подобный смысл можно найти в скорбной вести о зарплате — *Хотя бы до следующей получки*; в траурных словах об оптимизме — *И все же – выпьем*; и в анализируемой поминальной речи — *Покойся в формате для Интернет*. В этих словесных заклинаниях виден второй шанс, утешение о существовании потусторонней жизни, о неокончательной потере, что находится в гармонии с обещанной встречей на небесах, характерной для стандартного некролога.

Вторая группа пародийных некрологов своеобразно описывает не имевшую места в действительности смерть как якобы состоявшуюся. Этот тип некрологов обычно посвящен болгарским политикам или лицам, связанным с теневой экономикой. Типичный пример — некролог, посвященный Волену Сидеру, вторящий наиболее очищенным от многословия образцам жанра. Единственная разница в предложении *Извинись, ТЕБЕ говорят, и уже прощай*, выражающем все омерзение и разочарование авторов некролога, усиленные выписыванием слова ТЕБЕ заглавными буквами.

Пародийные некрологи, названные «благой вестью» или «радостной вестью», — еще один вариант трансформации традиционного восприятия сообщений о смерти. Как благая весть определена отставка Пламена Орешарского. В этом виде некрологов, как и в двух других, присутствует та же структура и такое же графическое оформление, как в стандартных уличных некрологах. В благой вести об отставке переплетаются обязательные формулировки типа *с глубокой скорбью сообщаем и об одном сердце огромном и добром* с контекстно значимыми изменениями: *поклонение состоится* заменено на *празднество состоится*, а *опечаленные* — на значимое в данном смысловом континууме *протестующие*.

Абсолютную профанацию языка скорби можно увидеть в «радостной весте», сообщающей о смерти Христо Ковачки. В нее на-

ряду с богохульственным *Хорошо, что умер* включено и нецензурное *Хер праху твоему!* Хотя можно понять причину подобной трансформации образа смерти и у этого типа оценки есть свои исторические основания, в настоящем исследовании подобный способ выражения негативной оценки квалифицируется как неприемлемый. Все пародийные некрологи, возвещающие о смерти живых людей, заходят за границы нормальной конструктивной устной и письменной речи и представляют собой тексты маргинального словотворчества.

4. Заключение

Пародийный некролог — утвердившееся явление в современной болгарской культуре. Он есть реакция на ограничения свободы, на ошибочный выбор, на политический беспорядок, на длительный переходный период. Используя возможности устойчивого и распознаваемого образа некролога, авторы пародии умудряются достигнуть необходимого воздействия. Уличный некролог, а также некролог в целом считается и болгарами, и иностранцами одним из «самых болгарских» способов почтить смерть, то есть признается болгарским феноменом, в действительности сотканным из вечных магических формулировок грусти.

Литература

1. *АБВ* : форуми [Електронни ресурси]. — Режим достъп : <http://forum.abv.bg/index.php?showtopic=83343&pid=1160455&mode=threaded&show=&st=#entry1160455>.
2. *Ариес Ф.* Човекът пред смъртта : в 2 т. / Ф. Ариес. — София : ЛиК, 2004. — Т. 1 : Времето на лежащите мъртъвци. — 412 с. — Т. 2 : Подивялата смърт. — 430 с.
3. *Вакарелски Х.* Български погребални обичаи : сравнително изучаване / Х. Вакарелски. — София : Издателство на БАН, 1990. — 224 с.
4. *Георгиева И.* Българска народна митология / И. Георгиева. — 2 преаб и доп. изд. — София : Наука и изкуство, 1993. — 260 с.
5. *Дъглас М.* Как мислят институциите / М. Дъглас. — София : «41 Т» ЕООД, 2004. — 160 с.

6. *Карабоева Е.* Некрологът: Българинът пред лицето на смъртта / Е. Карабоева. — София : Унив. издат. Св. Климент Охридски, 2010. — 318 с.
7. *Кауфман Н.* Погребални и други оплаквания в България / Н. Кауфман, Д. Кауфман. — София : Издателство на БАН, 1988. — 391 с.
8. *Китанова М.* Ономасиологична картина на обредния цикъл «Погребение» / М. Китанова // Етнолингвистични етюди. — Велико Търново : Знак 94, 2010. — С. 7—36. — (ISBN 978-954-8305-09-9).
9. *Леков Т.* Литанията на Ре / Т. Леков. — София : Изток-Запад, 2004. — 296 с.
10. *Маринов Д.* Народна вяра и религиозни народни обичаи / Д. Маринов ; съставител и редактор М. Василева. — 2 фототип. изд. — София : Издателство на БАН, 1994. — 815 с.
11. *Попов Р.* Български народен календар / Р. Попов. — София : Свет. Наука, 1997. — 110 с.
12. *Радкова Р.* Посмъртни материали за български възрожденски дейци / Р. Радкова. — София : АИ «Проф. Марин Дринов», 2003. — 456 с.
13. *Радойнова Д.* Сакралното във фолклорната обредност : по материали от Странджа / Д. Радойнова. — Пловдив : Пловдивско университетско изд-во, 2002. — 148 с.
14. *Смядовски С.* Идеология и танатология [Електронни ресурси] / С. Смядовски // Култура. — 22 февруари 2013. — Брой 7 (2713). — Режим достъп : [http://www.kultura.bg/bg/article/view/20643 -_ftn6](http://www.kultura.bg/bg/article/view/20643_-_ftn6).
15. *Смядовски С.* Риторика на скръбта / С. Смядовски. — София : Агата-А, 2014. — 129 с.
16. *Agamben G.* Homo Sacer : Il potere sovrano e la nuda vita / G. Agamben. — Torino : Einaudi, 1995. — 225 p.
17. *ALL.BG* : форуми [Електронни ресурси]. — Режим достъп : <http://forum.all.bg/showflat.php/Cat/0/Number/2051312/an//page/0/vc/1>.
18. *Árnason A.* Letters to the death : obituaries and identity, memory and forgetting in Iceland / A. Árnason, S. B. Hafsteinsson, T. Gréarsdóttir // Mortality : Promoting the interdisciplinary study of death and dying. — 2003. — Volume 8. — Issue 3. — Pp. 268—284. — (DOI : 10.1080/13576270310001599812).
19. *Čolović I.* Divlja književnost : Etnolingvističko proučavanje paraliterature / I. Čolović. — Beograd : Ćigoja štampa, 2000. — 374 p.
20. *Fowler B.* Collective memory and Forgetting : Components of a Study of Obituaries / B. Fowler // Theory, Culture, Society. — 2005. — Volume 22. — No. 6. — Pp. 53—72. — (DOI : 10.1177/0263276405059414).
21. *Long G.* Organization and Identity : Obituaries 1856—1972 / G. Long // Social Forces. — 1987. — Volume 65. — Issue 4. — Pp. 964—1001.

22. Starck N. Life after death : The art of Obituary / N. Starck. — Melbourne : Melbourne University Press, 2006. — XVI, 256 p. (ISBN 978-0522852561).

On Eternal Words of Sadness and Sad Words of Parody

© **Micheva-Peysheva Kalina (2015)**, PhD in Philology, associate professor, Depart-met of Ethnolinguistics, Institute for Bulgarian Language, Bulgarian Academy of Sciences (Sofia, Bulgaria), kalina.micheva@gmail.com.

The interesting phenomenon of Bulgarian culture is considered — a phenomenon of obituary, which has not been studied sufficiently in terms of linguistics and linguoculturology. It is the cultural phenomenon of the Bulgarian ethnic territory. The so-called “street obituar-ies” that are pasted in designated areas, are typical only for Bulgaria and Macedonia. Obituar-ies are divided into two types: biographical and family. The author is looking for similarities between different types of texts, emphasizing their differences. Thus, in the biographical obituaries the emphasis is placed on achievements, certain facts of life of the person, and the family (published in the press) and family street obituaries accentuate the emotional aspect of the loss for the family of the deceased person. The phenomenon is considered from a historical perspective, the changes in the texts obituaries are tracked. The language of sorrow of ancient peoples are defined, the resistant formulations (cliche) which are found to this day are analyzed. Attention is paid to parody obituaries, profaning the death and at the same time trag-edizing mocked phenomenon. They contain a metaphor depicting the death of salaries, the Constitution, dignity, Themis, and so on. The author divides them into several groups, analyzing the characteristics of each of them.

Key words: obituary; Bulgarian culture; parody obituary.

References

- Agamben, G. 1995. *Homo Sacer: Il potere sovrano e la nuda vita*. Torino: Einaudi. (In Bulg.).
- A'rnason, A., Hafsteinsson, S. B., Gréarsdóttir, T. 2003. Letters to the death: obituaries and identity, memory and forgetting in Iceland. *Mortality: Promoting the interdisciplinary study of death and dying*. 8(3): 268—284. DOI : 10.1080/13576270310001599812. (In Bulg.).

- Aries, F. *Chovekt pred sm'rtta*. Sofiya: LiK, 2004. T. 1: Vremeto na lezhashchite m'rtvtsi; T. 2: Podivyalata sm'rt. (In Bulg.).
- Cholovich, I. 2000. *Divlja knizhevnost: Etnolingvistichecko prouchavanye paraliterature*. Beograd: Ćigoja shtampa. (In Bulg.).
- Dglas, M. 2004. *Kak mislyat institutsiite*. Sofiya: «41 T». (In Bulg.).
- Fowler, B. 2005. Collective memory and Forgetting: Components of a Study of Obituaries. *Theory, Culture, Society*. 22 (6): 53—72. DOI : 10.1177/0263276405059414.
- Georgieva, I. 1993. *Blgarska narodna mitologiya*. Sofiya: Nauka i izkustvo. (In Bulg.).
- Karaboeva, E. 2010. *Nekrolog't: Blgarint pred litseto na sm'rtta*. Sofiya: Univ. izdat. Sv. Kliment Okhridski. (In Bulg.).
- Kaufman, N., Kaufman, D. 1988. *Pogrebalni i drugi oplakvaniya v Blgariya*. Sofiya: Izdatelstvo na BAN. (In Bulg.).
- Kitanova, M. 2010. Onomasiologichna kartina na obredniya tsikl «Pogrebenie». *Etnolingvistichecki etyudi*. Veliko Trnovo: Znak 94. 7—36. ISBN 978-954-8305-09-9. (In Bulg.).
- Lekov, T. 2004. *Litaniyata na Re*. Sofiya: Iztok-Zapad.
- Long, G. 1987. Organization and Indentity: Obituaries 1856—1972. *Social Forces*. 65(4): 964—1001.
- Marinov, D. 1994. *Nardna vyara i religiozni narodni obichai*. Sofiya: Izdatelstvo na BAN. (In Bulg.).
- Popov, R. 1997. *Blgarski naroden kalendar*. Sofiya: Svyat. Nauka. (In Bulg.).
- Radkova, R. 2003. Posm'rtni materiali za blgarski vzrozhdenski deysti. Sofiya: AI «Prof. Marin Drinov». (In Bulg.).
- Radoynova, D. 2002. *Sakralnoto vv folklorната obrednost: po materiali ot Strandzha*. Plovdiv: Plovdivsko universitetsko izd-vo. (In Bulg.).
- Smyadovski, S. 2013. *Ideologiya i tanatologiya. Kultura*. 22 fevruari. 7 (2713). Available at: [http://www.kultura.bg/bg/article/view/20643 - _fn6](http://www.kultura.bg/bg/article/view/20643_-_fn6). (In Bulg.).
- Smyadovski, S. 2014. *Ritorika na skr'bta*. — Sofiya : Agata-A. (In Bulg.).
- Starck, N. 2006. *Life after death: The art of Obituary*. Melbourne: Melbourne University Press. ISBN 978-0522852561.
- Vakarelski, Kh. 1990. *Blgarski pogrebalni obichai: sravnitelno izuchavane*. Sofiya: Izdatelstvo na BAN. (In Bulg.).